

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 316.6:323.2(470+571)

И.В. Ситнова

МЕНТАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

СИТНОВА Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве России. E-mail: sitnova@mail.ru

В статье рассматриваются ограничения, проявившиеся в условиях реформирования посткоммунистических обществ, и препятствующие, по мнению автора, институциональным изменениям в современной России. Автор интерпретирует их как ментальные ограничения, связанные с историческим опытом российского общества.

Ключевые слова: этатизм, патернализм, коллективизм, дуализм, универсализм, сакрализация власти, ритуализм, футуризм.

Ключевой момент для анализа институциональных изменений в современной России – наличие зависимости между прошлым и вновь становящимся институциональным порядком. Существуют пределы изменения институтов, т.е. трансформационные процессы ограничены определенными рамками – наследием прошлого институционального порядка, поэтому говорить об институциональных изменениях в современной России можно на основании анализа культурных и институциональных ограничений, которые замедляют, а в худшем случае, препятствуют становлению новых структур.

Социальные факторы расхождения формально-правовых норм и провозглашенных институтов в современной России, по мнению Т.И Заславской, имеют большое значение [1, с. 12], поскольку совпадение практик взаимодействия акторов институциональных изменений с законами свидетельствует об относительно правовом благополучии общества и его управляемости, о возможности воздействовать на его развитие с помощью соответствующих законов и норм. Существенное же расхождение практик с законами есть признак неблагополучия общества. Под формальными институтами имеются в виду законодательно-правовой каркас, составляющий основу общественных институтов, а под реальными практиками – действительные формы и формы функционирования этих институтов [2, с. 14].

Менталитет — устойчивый способ специфического мировосприятия, характерный для больших групп людей (этносов, наций или социальных слоев), он определяет специфику способов их реагирования на феномены окружающей действительности. Для целей нашего анализа менталитет важен как результат глубинных устойчивых черт народа, сложившихся в ходе исторических и социальных реалий, и одновременно как побочный продукт некого негативного результата. Поскольку в менталитете соединены способ мышления и способ деятельности, коллективное и индивидуальное сознание, рациональные структуры и бессознательные стереотипные образования, национально-государственные и разнообразные этнические компоненты, имеет смысл фиксировать их в виде комплекса традиций [2, с. 43–49]. Различные факторы экзистенциональной неуверенности на фоне культурных подвижек и интерпретация неуверенности с помощью наследуемых референтных рамок ведут к разнице проявлений культурной травмы. Нами выделены восемь таких симптомов, которые мы обозначили как ограничения.

Ограничение 1. Традиции этатизма. Они проявляются в ряде особенностей: привычность к жесткой централизации и бюрократизации управления; строгой социальной иерархии и контроле различных сфер жизни и деятельности людей; идеологический монизм (отсюда страсти по обретению «национальной идеи»).

Под этатизмом мы понимаем такую концепцию государственной власти, которая основывается на склонности абсолютизировать организующую миссию государства в системе социального взаимодействия, огосударствления, процесс распространения экспансии государства на все сферы жизни общества, особенно экономическую. Это расширение функций государства, вмешательство его во все общественные сферы жизни. Символическая идея государства имеет силу нормообраза. Так, известный русский правовед А.С. Лаппо-Данилевский писал: «...Идея государства отличается нормативным характером: она содержит понятие о том отношении, которое должно быть между государем и подданными, а не только понятие принудительной власти, которую государство имеет над частными лицами» [3, с. 178]. Безусловно, в России существуют примеры антиэтатизма, но это скорее исключение, чем правило.

Одна из причин формирования этатистского нормообраза состоит в том, что Россия, занимая буферное положение между Европой и Азией, издавна была объектом экспансии как с Запада, так и с Востока. Испытывая постоянное «давление» с Запада и Востока, Россия ощущала непрерывную потребность в обороне, что инициировало усиление политики внутренней централизации. Отсюда проистекали деспотические черты государственной власти, опиравшейся в основном на военную силу и военные методы управления.

Помимо рационального обоснования этатистского порядка со стороны «управляющих», эта власть оправдывалась и признавалась и со стороны управляемых. В условиях осады и разрухи отказаться от прав и принять на себя обязанности перед государством было естественно. Этатистский порядок в массовом сознании в России отождествлялся с социальным порядком вообще, в качестве антитезы хаосу. Доминирование этатистских норм в политико-правовой российской культуре приводило к постоянному воспроизведению даже в условиях мирного времени тех институциональных структур, которые создавались в соответствии с потребностями периодов мобилизации.

Укоренению этатистских ориентаций в социальной практике России способствовал и климатогеографический фактор. Высокую ценность имели природные богатства, а не земледелие с низкой производительностью труда. Государство, являясь верховным собственником земли, оформилось в «вотчинное государство», в котором роль боярской

олигархии как самостоятельного политического института была второстепенна. Специфика становления российской социальности состоит в подавлении, угнетении феодального иммунитета в пользу утверждения принципа подданства, базирующегося на приоритете служения во благо государства. В рамках традиции этатизма сложилось особое представление о том, что именно централизованная власть рождает собственность, и все живущие в России являются государственными служителями, находящимися в прямой и безусловной от царя зависимости и не имеющими возможности претендовать ни на собственность, ни на какие-либо неотъемлемые личные права.

Влияние на упрочение традиции этатизма оказал и тот фактор, что инициатором всех существенных преобразований в России было государство. Институт власти, ставя определенные цели и решая проблемы развития, постоянно брал инициативу на себя, систематически используя при этом различные меры принуждения, опеки, контроля и прочих регламентаций. Особая роль внешних факторов вынуждала правительство выбирать такие цели развития, которые постоянно опережали социально-экономические возможности страны. Поскольку эти цели не вырастали органическим образом из внутренних тенденций, то государство для достижения «прогрессивных» результатов прибегало к политике «насаждения нового сверху» и к методам форсирования. Демократические права и свободы, как правило, не завоевывались обществом, а даровались милостью монарха. Специфика «реформ сверху» деформировала пытающееся стать автономным гражданское общество.

В традиции этатизма прочную позицию занимает представление о том, что активность государственной машины является священным и единственным источником власти. Право как форма взаимоотношений между государством и гражданским обществом, какового никогда не было, в массовом сознании таковой не воспринимается. Традиция этатизма особым образом преломляет идею свободы и идею права. Человек европейской цивилизации мыслит право как определение пределов свободы и несвободы в рамках «социального контракта» между гражданами и государством, «общественный договор».

Российское этатистское сознание преобразуется, по словам В.Г. Федотовой, в «усталость от гиперинституционализации» [4, с. 136], что, в свою очередь, инициирует анархические тенденции и понимание свободы как воли, небрежение законностью. Парадокс этатистского нормообраза — сочетание комплексов верноподданного и революционера. В результате общество «готово сопротивляться любому "государственному ярму", будь то авторитарный коммунистический, националистический режим или демократическое государство» [4, с. 120]. В одночасье происходит «отказ от социального порядка, институционализации, правового регулирования и подмена общественного состояния» [4, с. 121].

Классифицируя традицию этатизма в качестве нормы, мы тем самым подчеркиваем, что данному образцу поведения следуют осознанно, что в системе коллективных представлений воспроизводится смысловая операция.

Функционирование традиции этатизма реконструирует вопреки логике модернизационных процессов ту конфигурацию власти, которую образно называют «русская власть». По мнению М.В. Ильина, система власти, характерная для России, — «это харизматическая система, образованная четырьмя эволюционно разнородными блоками политической организации... Первый блок — вотчинный, или патrimonиальный, представляет собой простое сочленение вотчин-патrimonиумов, воспроизводя "семейную модель" господства в более крупном масштабе. Второй блок, развивающийся из заимствованной у Византии христианской теократии, основан на господстве единой для всех "правды". Третий,

возникший как упрощение... ордынской деспотии, мобилизует все ресурсы, включая ресурсы принуждающего насилия, на решение некой "судьбоносной задачи... Четвертый – это... военно-бюрократическая структура "государевой службы" российской социальной истории: "Слабость сильного государства". Традиция этатизма в процессе метаморфоза питает анархические настроения» [5, с. 77].

Государство в силу ряда исторических обстоятельств неизменно занимает в общественной жизни России доминирующее положение, что обусловливает неравноправные отношения между государством и индивидом. В 2003 г. 53% россиян считали, что необходимо «закрутить гайки» и жестко относиться к любым «вольностям» в политике и экономической жизни. Мысль об участии даже в мирных акциях протesta (митингах, демонстрациях, забастовках, голодовках) увлекла лишь 8% опрошенных, россияне видели свой долг в мирном, созидательном труде с отстаиванием своих прав без коллективных массовых выступлений [6, с. 38].

Ограничение 2. Традиции патернализма в России имеет свою специфику. Патронаж государства и твердые социальные гарантии «сверху»; ревностное попечение; благотворная защита; непосредственный надзор; отеческое правление; правительственные вспомоществование; ожидание «отеческой заботы» и отказ от самостоятельной позиции в формах социальной активности народных масс.

Этатистские тенденции в системе социально-политических взаимодействий обуславливают кристаллизацию традиции патернализма. Сущность отношений патернализма реализуется в социальной вертикали: патронаж государства и твердые социально-экономические гарантии «сверху», ожидание «отеческой заботы» и отказ от самостоятельной позиции в разнообразных формах социальной активности со стороны населения, причем данная позиция верна, потому что «освящена» авторитетом прошлого.

Патернистская практика государственного управления применяется к граждански не самостоятельным народам.

В 2001 г. за сохранение системы государственного управления при допущении некоторых возможностей для частного предпринимательства выступали около четверти опрошенных россиян [7]. В ходе опросов ФОМ в 2002 г. свыше половины россиян (55%) заявили, что не знают своих гражданских прав, и только 40% утверждали обратное. Тем не менее 66% опрошенных выразили уверенность, что сегодня в России права граждан соблюдаются хуже, чем раньше. 12% опрошенных полагали, что лучше, и 11% особых изменений не чувствовали [8].

В советский период нашей истории патернистские стереотипы способствовали упрочению политики «государственной монополии», поэтому его функция заботы о гражданах и гарантия социальной помощи и защиты массовым сознанием рассматривались как обязательные свойства власти. «Тогдашние», «доперестроечные» вожди были «более честными» (так утверждают 46% при 34% с ним не согласных), «более знающими» (47 против 26%), «более сильным, решительными» (48 против 27%), «больше заботившимися о людях» (65 против 23%), «более авторитетными» (65% против 18%). Распределение общественных симпатий к началу 1999 г. выглядит как ожидание «сильной власти», в которой опорой власти служили бы армия и служба безопасности. Иначе говоря, общественное мнение было готово к пришествию В. Путина задолго до того, как узнало его имя [9].

Ограничение 3. Традиции колlettivизма. Старая «блоковая культура», по мнению П. Штомпки, выработала колlettivизм. Индивид считался носителем заранее поставленных планов, подчинялся обществу, приносился в жертву будущему; не мог противопоставить свои

права коллективу; личная ответственность была размыта, в просчетах обвинялись внешние обстоятельства. Господствовала заурядность, и обычно стратегией адаптации было «не высовываться», раствориться в окружении. Новая капиталистическая культура радикально меняла приоритеты. В центре стал индивид; его права, но с ними и обязанности; он сам борется за личный успех, демонстрирует состязательность, оценивает свой статус, сравнивая себя с другими, отвечая за достижения и неудачи. Мастерство и личные заслуги вознаграждаются и социально одобряются.

Государственно-патерналистский синдром в «блоковой культуре» взаимосвязан с традицией колlettivизма или «соборности». Семантически эти понятия близки. И соборность, и колlettivизм выражают принцип отношений между общностью и индивидом, опирающийся на сочетание их интересов при непременном доминировании интересов общности. «Колlettивный» относится со словом «общий», смысловой оттенок данного понятия также подчеркивает тесную связь участников какого-либо дела. Поэтому мы будем толковать оба термина в одном смысле.

Имеет место квазиаксиоматическое утверждение, что колlettivизм есть противопоставление индивидуализму западной культуры. При этом ориентация на ценности колlettivизма трактуется либо как высшая духовность, либо как препятствие на пути к современности. На наш взгляд, более плодотворным является поиск тех специфических социокультурных форм, в которых индивидуальная автономия людей сочетается с их интеграцией в социум. Следует заметить, что Ф. Теннис не считал, будто переход от Gemeinshaft к Gesellschaft есть несомненный прогресс, ибо утрачивается некая естественная ткань человеческих отношений. И он был прав, коль скоро современные политики устраивают «встречи без галстуков», а проблема личного взаимодоверия – trust в современном мире господства глобальных и анонимных структур – становится одной из ведущих на международных форумах экономистов и социологов.

Колlettivизм как норма человеческих отношений в рамках российской цивилизации обладает рядом особенностей. Во-первых, это длительная общинная традиция. Община отвечала за всех, общинник не вполне отвечал даже за себя. Во-вторых, на мотивацию колlettivистского поведения в реальных социально-политических взаимодействиях оказал влияние гипертрофированный этатизм общественной жизни в дореволюционной России и в СССР.

Модель западного колlettivизма-коммунитарности формируется исходя из принципа солидарности людей, связанных общностью интересов. Российская традиция колlettivизма, напротив, не подразумевает самоорганизацию свободного населения для самостоятельной защиты колlettivных интересов: социальная группа в российском контексте ни в коей мере не является автономным социальным субъектом. Развитие данной традиции в отечественной культуре основано на началах «реализма», а не «номинализма», на приоритете общего по отношению к индивидуальному. Соборная онтология российской социальности служит скрепляющей основой российской реальности, связь с которой имеет духовные начала.

Ограничение 4. Традиция дуализма или инверсии в России является чуть ли не специфической. Другим культурным кодом, упорядочивающим мысли и действия при социализме, было противопоставление жизни частной (личной), общественной (официальной). Противопоставление шло по линиям «общество– власть», «национальное– государство», «люди– правители», «мы– они». Защитной реакцией на политизацию жизни и стремление властей контролировать все сферы жизни был уход в частную жизнь. Центры

власти видятся как чуждые и враждебные; правительство как арена заговоров, обмана, цинизма или, минимум, глупости, неэффективности. «Победить систему», перехитрить власти, обойдя запреты, правила, законы, — одна из самых распространенных добродетелей. Успех мошенника — объект восхищения и зависти. Государство, отвечающее за здравоохранение и безопасность, обвиняется за все личные неудачи. В то же время личные связи, общение, отношение на работе, с друзьями, дома идеализируются. «Культурные привычки сердца», востребованные демократией, принципиально иные. Демократия требует «республиканских добродетелей» и «гражданской культуры»: общественные обязательства, заинтересованность в делах общества, готовность участия в жизни общества, инициативность, лояльность к политическим институтам.

Таким образом, дихотомия «МЫ и ОНИ» — долгая историческая традиция «народ–государство», «общественное–частное» — пришла в противоречие с требованиями идентификации с государством, гражданской лояльностью, которые предъявляют рынок и демократия. Это привело к общественному несогласию с политикой государства и отсутствию консенсуса по поводу направленности реформ.

Дуализм, представляющий «архаический комплекс» российской культуры, можно определить и как особую «полярность» социально-психологических и духовно-нравственных качеств и черт в менталитете россиян, и как социальное манихейство, универсальное деление общества на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов».

В силу того, что дуализм оказывал и оказывает значительное влияние на социально-политические процессы в России, его природа неоднократно подвергалась осмыслению и толкованию. Например, по мнению Н. Бердяева: «Россия совмещает в себе несколько исторических и культурных пластов... Россия — страна великих контрастов по преимуществу, — нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной тьмы. Вот почему так трудно организовать Россию, упорядочить в ней хаотические стихии. Все страны совмещают много возрастов. Но необъятная величина России и особенности ее истории породили невиданные контрасты и противоположности. У нас почти нет того среднего и крепкого общественного слоя, который повсюду организует народную жизнь» [10, с. 71]. Философ также высказывает мысль о столкновении в характере, сознании и культуре народа мужской и женской, дионисийской (языческой) и христианской (аскетической) стихий. «Огромной силе, силе национальной стихии, земли не противостоит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть стихиями» [10, с. 35].

С момента формирования российской государственности национальный код культуры складывался как двузначный, амбивалентный. Древнерусское язычество и строгая духовная традиция византийского православного христианства срослись, соединились, но не дали культурного синтеза. Национальный культурный код так и остался подвижным, двойственным, способным к перевоплощениям на разных этапах истории.

Другой аспект дуализма — конфликтность сознания, которому свойственно постижение институциональных изменений не как пространства диалога, а, скорее, как арены борьбы сил «добра» и «зла». Причины укорененности «баррикадного сознания» следует объяснять исходя из особенностей культурно-исторического развития России.

Формирование российского архетипа неразрывно связано с православными культурными основами. Православие нацеливает на «искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [11, с. 5]. В данном случае идея приблизиться к воплощению Царства Божия на Земле, где будут

«творимы лишь абсолютные ценности — нравственное добро, красота, познание истины, блага неделимые и неистребимые...» [11, с. 5], привело к политическому радикализму. Конфликтное сознание стимулирует избежание «срединности», согласия и умеренности, «теплохолодности». Н.О. Лосский, размышляя о характере русского народа, постулирует «недостаток средней области культуры». «Отсюда становятся понятными крайности отрицания, до которых способны доходить русские люди... Не дорожа среднею областью культуры, русский человек способен проповедовать и действительно совершать изумительные разрушения осуществленных уже культурных ценностей...» [11, с. 54]. Конфликтный настрой сознания, берущий свое начало с самого раннего этапа становления российского общества, в дальнейшем инициировал интеллектуальную традицию нигилизма. Дуализм, понимаемый и как противоречивость, и как конфликтность сознания, был поддержан советской системой. Она включала в свою символику и эсхатологические элементы. Советскому мировоззрению была присуща ориентация, подчеркивающая неприятие существующего порядка в капиталистическом мире.

Ограничение 5. Институциональная особенность России — своеобразный универсализм, названный Ф.М. Достоевским «всемирной отзывчивостью», «идеей вселеновеческого братства». Этот феномен невозможно истолковать однозначно. Восприимчивость к заимствованиям опыта и идей, обуславливающая внутреннюю неустойчивость, вероятно, как это ни парадоксально, во многом опирается на легендарное русское терпение. Это ограничение берет свое начало на противопоставлении создаваемых мифов и реальности при социализме. Люди подменяют тяжкую реальность мечтами, видениями, идеализацией традиций, утопиями надежд и стремлений, ждут чудес, обращаются к волшебным стратегиям и вере в сверхъестественную помощь, защиту. Капитализм, напротив, настроен на «демифологизацию мира», рационализацию, холодный счет прибыли и убытков, вере в науку и технику, эффективную организацию. Несовместимость правил «блоковой культуры» и принципов капитализма, породила культурный шок, создав благоприятные условия для травмы [12, с. 6].

Нужны время и особые обстоятельства, чтобы русский человек вступил в конфликт. Народная мудрость закрепила эту особенность в многочисленных поговорках типа: «Русские долго запрягают, но быстро едут». Здесь — другая сторона данной дилеммы: накопление отрицательных эмоций постепенно приводят к «взрыву» страстей, переходящих буквально в бешенство.

Лосский цитирует слова Милюкова о «самой коренной черте русского характера — способности усваивать всевозможные черты любого национального типа», о «неопределенности и отсутствии резко выраженного собственного национального обличья» [11, с. 109]. Сверхнационализм, универсализм России по-разному интерпретировался в русской социологической мысли. П.Я. Чаадаев полагал что Россия — страна без традиций, а значит, она способна беспристрастно оценить западноевропейский опыт, воспользоваться им и перенестись одним скачком туда, куда другие народы смогли прийти ценой неслыханных усилий и бедствий.

В работах Бердяева неоднократно поднимается вопрос о «ненационализме» России: «Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интелигенция всегда с отвращением относилась к национальному и гнушилась им, как почти нечистью. Она исповедовала исключительно сверхнациональные идеалы. И как ни

поверхностны, как ни банальны были космополитические доктрины интеллигенции, в них все-таки хоть искаженно, но отражался сверхнациональный, всечеловеческий дух русского народа» [10, с. 8].

Таким образом, принцип институциональных изменений, базирующийся на приспособлении к среде, сформировал устойчивую традицию терпения-отзывчивости-универсализма. Влияние данной традиции на институциональные изменения в России находит свое выражение в константной некритической ориентации политической элиты на западные образцы.

Российский универсализм, питавший и массовое, и интеллигентское сознание неоднократно приводил к тому, что институциональные изменения в виде революций радикальным образом разрушали собственные ценностные устои, приводя их к «общему знаменателю» с какой-либо новомодной, привнесенной идеологией. Однако другая грань универсализма — терпение — локализовывало конфликт на символическом уровне, не переводя его в поведенческую сферу.

Ограничение 6. Традиция сакрализации государственной власти в России связана с персонификацией государства, правовым нигилизмом, абсентеизмом. «Священный» характер приобретают властные отношения, которые придают особый священный статус «людям власти», действия и распоряжения которых рассматриваются как воплощение абсолютной истины. Российский социум организуется только через государство. Бердяев проводит следующую аналогию: «Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет. Русский никогда не чувствовал себя организатором. Он привык быть организуемым» [10, с. 11–14]. Наделение властных институтов «священным», сверхъестественным содержанием сохраняется во всех возможных формах, несмотря на все попытки его изменить, уничтожить или исказить. Причины такого восприятия государственной машины массовым сознанием коренятся в особенностях российской социокультурной истории. Трансцендентность государства, превращение его в «самодовлеющее отвлеченнное начало», живущее собственной жизнью, по своему закону, которое «не хочет быть подчиненной функцией народной жизни» [10, с. 7], Бердяев объясняет «сторожевым и оборонительным положением» российской государственности. Он пишет, что начиная с Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров потрясающих... «Интересы... поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. "Всепоглощающее государство" было куда сильнее общества» [4, с. 6].

Советское государство по провозглашаемой форме (конституция, народовладение) соответствовало передовым западноевропейским образцам, на практике же напоминало теократическое.

Рационализация советского общественного сознания в 196–1970-е гг. — процесс, связанный с развитием всеобщего образования и расширением информационного поля средств массовой коммуникации, — подрывал сакральный базис культуры, но не преодолел его (достаточно упомянуть дискуссии о выносе тела Ленина из Мавзолея). Традиционно государство для обывателя отождествляется с официальным лидером. Лидер является гарантом — символом государства, который «должен стать поводырем, ведущим других по чуждому им, неосвоенному, пугающему пространству, и мановением волшебной палочки делать это пространство родным и понятным» [13, с. 114].

Традиция сакрализации не способствует преодолению отчуждения гражданина от государства и политики, хотя чисто внешне в советское время наблюдалась картина полного единения: «Государство — это мы». На самом деле логика вознесения государства над обществом приводит к символическому противостоянию: «Государство изначально противостоит российскому гражданину как нечто враждебное, и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть; обещания, данные государству, можно не выполнять» [14, с. 128]. Так в результате метаморфоза сакральное отношение к власти инспирирует правовой нигилизм. Право осмысливается как средство доведения до масс воли государства и средство принуждения. Нет представления о защищенности правом от государственного произвола. Российское общество не создало практически никаких институтов, которые хоть как-то контролировали власть, и, соответственно, во всем полагается на эту власть.

Ограничение 7. Традиция ритуализма в России тоже имеет свою специфику. В данном случае под ритуализмом мы понимаем такой принцип политических взаимодействий, при котором политическое участие является лишь формальной процедурой.

Своего рода ритуальная система сохраняется в современных демократических обществах Запада, что находит выражение, например, в инаугурации президента, почитании флага и гимна и т.п. Система политических ритуалов призвана устанавливать «каналы связи» между индивидами — гражданами данного государства и той символической целостностью, которая образуется в результате их объединения — национальным государством. Поэтому негативный оттенок, придаваемый ритуалу, не всегда обоснован.

Ритуализм в отечественной культуре институционализировался прежде всего православной церковью, далее — самим государством. Советская ритуальная система устанавливалась главным образом как «гомеопатическая оппозиция» к ритуалу религиозному. В исследовании ритуалов, вошедших в практику советской культуры, В.В. Глебкин [15, с. 168] выделяет «ритуалы витализации», целью которых было «оживать, наполнять энергией новые явления реальности — "экзистенциалы": рабочий класс, партия, комсомол, классовый враг и другие.

Ритуальные действия типа демонстраций и митингов в первые десятилетия советского государства были наполнены живым пафосом коммунистической идеологии, что способствовало усвоению непривыкшим к теоретизированию народным сознанием догм марксистско-ленинской теории. «Революция разрушила девственную замкнутость окружающего его (рабочего, крестьянина) пространства, она ввела этого человека в другой мир, в мир, населенный такими загадочными "существами", как "мировая революция", "мировой капитализм", "буржуазный парламент", "труд и капитал" и др. Все эти абстракции требовали "телесного" освоения, "одомашнивания", введения в повседневность, в "сегодня" рабочих будней» [15, с. 101].

В дальнейшем советский режим способствовал развитию и упрочению ритуализма в коммунистической идеологии: субботники, собрания, конференции, съезды, ударничество, общественные почины, движение за коммунистический труд и т.п. практически ритуализовались, превратились, по сути дела, в действия, на которых под всеобщее одобрение управляемых лидеры различных рангов произносили магические тексты в обрамлении марксистской фразеологии. Эта ритуальная практика была нацелена на закрепление у советских граждан чувства исключительности нового общественного строя, своего рода мессианской роли в мире капитала и бесправия.

Ритуальный элемент в политике, по мнению многих авторов, сохранился и в постсоветском обществе. В системе коллективных представлений о власти еще не утвердился принцип инструментальности, опираясь на который осуществляется мотивация реальной, а не ритуальной политической активности. В результате проявляется политическая апатия, высокий избирательный абсентеизм.

Ограничение 8. Традиция футуризма в России представляется как способность «жить идеей» и мобилизационный тип развития, как следование архаическим комплексом, «дезертирство в будущее» (Гаджиев). Цивилизационной доминантой в разные периоды российской социальной истории является футуризм. Говоря о футуризме культуры в России, мы имеем в виду обращенность в будущее, глобальное влияние образа будущего на сегодняшнюю повседневную деятельность. Российское сознание подвержено воздействию футуристических проектов, определяющих лицо той или иной эпохи. Как только футуристический потенциал конкретной модели развития ослабевает или оказывается исчерпанным, ее сменяет следующая модель.

Можно констатировать утверждение политической традиции — футуризма — комплекса часто бессознательных представлений, определяющих характер и особенности политического поведения россиян. «Русские люди вообще имели привычку жить мечтами о будущем; и раньше им казалось, что будничная, суровая и тусклая жизнь сегодняшнего дня есть, собственно, случайное недоразумение, временная задержка в наступлении истинной жизни, томительное ожидание, нечто вроде томления на какой-то случайной остановке поезда, но... вскоре в будущем все изменится, откроется истинная, разумная и счастливая жизнь; весь смысл жизни — в этом будущем, а сегодняшний день для жизни не в счет» [10, с. 152]. По Бердяеву, на протяжении всей истории нашего общества преобладал социальный характер «странника», «вечного путника, ищущего нового града».

Генезис политической традиции футуризма, по нашему мнению, во многом опирается на экстенсивный характер развития российской цивилизации. Человек западного мира «всюду... видит границы и всюду ставит границы», «не может существовать в безграничности, ему чужда и противна славянская безбрежность» [10, с. 65]. Напротив, «русская душа», склонна к «мистике». Оптимистические поиски «земного рая» или «новой жизни» генерирует особый тип сознания, которое живет идеей «светлого будущего».

Поэтому вполне закономерно, что коммунистические идеи были адаптированы сознанием в качестве политизированной версии христианского устройства на исторической земле. Во имя осуществления идеалов «светлого будущего» русский человек способен на героизм и жертвенность, на преодоление колоссальных препятствий.

Футуризм и способность «живь идеей» генерировали свойственный процессу институциональных изменений в России мобилизационный тип развития, предполагающий достижение политических и экономических целей ценой огромных перегрузок, перенапряжения сил, ценой жертв и лишений. Политическим оформлением режима мобилизации выступает, как правило, «развивающая диктатура», которая насилиственно прерывает периоды застоя и осуществляет модернизацию подчас антигуманными методами.

Политическая традиция футуризма наряду с логикой дуализма и универсализма, традициями сакрализации власти и ритуализма представляют глубинный пласт отечественной политической культуры, который может быть назван архаическим комплексом. Архаичность рассмотренных социальных феноменов в том, что для них характерны спонтанные реакции, единство и неразрывность субъекта и объекта при осмыслинии действительности, нечеткое различие реальности и вымысла. Логическим

результатом этатизма, гипертрофии государства и атрофии гражданского общества является «выключенность» широких народных масс из повседневного политического процесса, слабая способность народа к самоорганизации, массовая политическая инертность и недостаток общественных интегрирующих основ.

По мнению Штомпки, культурная травма позитивна в процессе «культурного морфогенеза», поскольку раскручивает спираль реконструкции культуры, что, в конечном счете, ведет к внедрению нового культурного комплекса [12, с. 12]. Законные инновационные стратегии помогают преобразовать травмирующие ситуации, в то время как нелегальные инновации (коррупция, преступления, мафия) усиливают неопределенность и аномию.

Культурная амбивалентность или раскол между наследием «блоковой» и демократической рыночной культурой, которая привела к культурной травме, может быть преодолен только при неизбежной смене поколений. Носителями культурного наследия являются поколения, которые социализировались, обучались в определенной среде. Это значит, что мощное наследие «блоковой» культуры, взятой из предшествующей истории и усвоенной поколениями, жившими при коммунистах, может терять действенность для новых поколений, выросших в условия демократического, рыночного общества [12, с. 11].

Подведем итоги.

а) Анализ традиций-норм, воспроизводимых в социальном дискурсе в российской культуры, позволяет охарактеризовать их природу как преимущественно аффективную и в значительной степени включающую элементы рефлексии, осознания исторических образцов, требующих конформизма. Таковыми являются рассмотренные выше феномены этатизма, патернализма, колlettivизма. Трансформационные процессы в сегодняшней России инициировали изменения в нормативно-ценностной структуре общества, что, по мнению некоторых авторов, привело к радикальному отказу от колlettivистских ориентаций и определило появление «негативно свободного индивида», «загнанного в угол одиночки». Таким образом, происходит разрушение символического ресурса соборности-колlettivизма, обладавшего в нашей политической культуре статусом нормы, а в определенные исторические периоды — гипернормы. Это обстоятельство освобождает анархическую энергию интравертного психологического типа и стимулирует импульсы изоляционизма и социально-психологической атомизации.

б) Рассмотренные нами ограничения и противоречия структурного и субъективно-личностного уровней общества дают основания полагать, что сегодня в России отсутствует их взаимовлияние, а также развитие двух этих пластов макро- и микроуровня: структуры существуют сами по себе, субъекты деятельности являются их дополнением.

с) Не разработана (или не известна общественности) стратегия законодательных мер проведения рыночных реформ; отсутствует понимание населением принципа реформ и, следовательно, отсутствует общественный консенсус по поводу реформирования. Процесс изменения структур и субъектов деятельности носит неконтролируемый и нерегулируемый характер.

д) Скорость трансформационных преобразований напрямую связана со способностью общества адаптироваться и принимать новые нормы взаимодействия, в условиях сохранения прежних стереотипов поведения, ценностных установок, норм взаимодействия в сознании людей. Объективно трансформационный потенциал в России

невелик: не только в советское время, но и до революции практически отсутствовал опыт функционирования демократических институтов.

Литература

- 1 Заславская Т. И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М. : МВШСЭН, 2002.
- 2 Победа Н. А. Возрождение духовности как предмет социологического анализа // Методология, теория и практика социологического анализа. Харьков, 1999.
- 3 Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты и до эпохи преобразований // Политические исследования. 1994. № 1. С. 178–185.
- 4 Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М. ИФ РАН, 1997.
- 5 Ильин М. В. Укоренять изменения в традиции // Политические исследования. 1999. № 4. С. 77–78.
- 6 Гудков Л., Дубин Б. Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества // Мониторинг общественного мнения : эконом. и соц. перемены : информация, анализ. 2003. № 3.
- 7 Зоркая Н., Дюк Н. М. Ценности и установки российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения: эконом. и соц. перемены : информация, анализ. 2001. №4.
- 8 Климов И. Внутренний заем: азартная игра или фундамент для партнерства гражданина с государством // Доминанты. Поле мнений. 2002. № 010 (9-10 марта). URL: <http://www.fom.ru/survey/dominant>.
- 9 Левада Ю. А. Координаты человека : к итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения : эконом. и соц. перемены : информация, анализ. 2001. № 1.
- 10 Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
- 11 Лосский Н. О. Характер русского народа. М., 1990.
- 12 Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С.6-16.
- 13 Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997.
- 14 Кара-Мурза А. А. Между «Империей и Смутой» : избр. соц.-философ. публицистика. М., 1996.
- 15 Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М., 1998.
- 16 Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.